

«ВОИСТИНУ»

памяти В. В. Розанова
к 70-й годовщине со дня рождения
3.5 — 20.4 1856 (+ 1919) — 1926.

«Сегодня исполняется 70 лет со дня Вашего рожденья, честь имею Вас поздравить, Василий Васильевич! В молодости я все некрологи писал — Ну, а как же! живым, известно: Бердяев, Шеголев, Савинков — — Никогда! Я ж не от худого сердца. Это кто в сердцах, тому и прет одна осклизлость в человеке, а в человеке, Вы это сами знаете, всегда найдется, отчего так хорошо бывает, ну, весело! (в нашем-то печальном мире — весело!) другой и сам за собой не замечает, в мелочах каких-нибудь или повадка. Раз как-то Пришвин помянул своего приятеля-земляка (из Ельца тоже и Ваи в роде как земляк) и вдруг так засиял — автомобильный фонарь! — и всем стало весело, а вспомнил он не «победы и одоления» приятеля, а про яйцо, как ловко приятель яйцо в смятку сл: «Ну так, знаете, скорлупку содрал чисто, сдунул и все подбел на-чисто, замечательный человек!»

А мне сейчас почему про яйцо — со стола они на меня глядят яйца: и красные и синие и лиловые и желтые и зеленые и золотое и серебряное и пестрые — корзиночка: сегодня второй день Пасхи!

А теперь я пишу не «некрологи», а память пишу усопшим. Крестов-то, крестов поставили! И все тесней и теснее — и Брюсов «приказал долго жить» и Гершензон «обманул»: в прошлом году в Москве похоронили! и этот, помните, кудрявый мальчик — «припаду к лапоточкам берестяным, мир вам, грабли, коса и соха, я гадаю по взорам невестинным на войне о судьбе жениха» — Есенин. Я, Василий Васильевич, памятью за каждое доброе слово держусь — это мне как свечи горят по дороге (и это мое счастье!), а должно быть, очень страшно брести последний путь — и одни пустые могилы — повторять во тьму: «люди — злые!» Нет, когда-нибудь соберу книгу — «Мое поминанье», все, как следует, в лиловом или в вишневом бархатном переплете и золотой крест посередине, там соберу всех, все, что доброе зашло, и «о упокой» и «о здравии». Время-то идет, давно-ль все росписывались

«молодыми писателями», а теперь, посмотрите: в этом году исполнилось 60 лет — Вяч. И. Иванову, Д. С. Мережковскому, Л. И. Шестову. Юбилей Л. Шестова справляли по-русски — три вечера: на дому — литературное собрание, у С. В. Лурье — семейное, и третий вечер — философское: только философы. Бердяев, Вышеславцев, Эфрон, Ильин, Познер, Лазарев, Лурье, Сувчинский кн. Д. С. Мирский, Федотов, Мочульский (Степун не приехал!) и только я не философ, я за музыканта: читал весь вечер — три часа без перерыва — «Житие протопопа Аввакума им самим написанное», самую жизнерадостную книгу, а на тему: путь к вольной смерти! А Вячеслав Иванович Иванов в Риме отшельником: пойдя, пришел сосед Н. П. Муратов, поставили самовар, попили чайку с итальянскими баранками, спели орфические гимны, ушел Муратов «комедию» писать, а юбиляр засел за «римские древности» — познания всесветные! достойный ученик своего великого учителя Момзена!

.....

Дождика не идет, все деревья зеленые — три дня дожди! — закурил и домой не хочется, так бы все и шел — — вот она, какая земля! любимая! — — Вы не понимаете? — — А ведь как Вы здесь-то, как любил: каждый корешок, каждую каплю, вот с крыши на меня сейчас и еще — это оттуда! Василий Васильевич! — «воистину!»

.....

Жил в России протопоп Аввакум (Аввакум Петрович Петров, 1621-1681), жил он при царе Алексее Михайловиче во дни Паскаля, когда Паскаль свои «Pensées» сочинял (1623-1662), и итог своих дел — это «житие им самим написанное»: ума проникновенного, воли огненной (конец его — сожгли в срубе!), прошел весь подвиг веры и, стражда, на цепи и в земляной тюрьме долгие годы сидя, не ожесточился на своих гонителей. «Не им было, а бысть же было иным!» А это называется: не только что около своего носа... да с другого и требовать нельзя: жизнь жестокая, осатанеешь! А как написано! Я и помянул-то протопопа «всей России» к слову о его «слове». Ведь, его «вяканье» — «русский природный язык» — и ваш «Розановский стиль» одного кореня. Во дни протопопа этот простой «русский природный язык» (со своими оборотами, со своим синтаксисом «сказа») в противоположность высокой книжно-письменной речи «книжников и фариисеев» в насмешку, конечно, и презрительно называли «вяканьем» (так про собак: лает, вякает), как ваше «розановское» зовется и поименно в академических кругах «юродством». А кроме Вас, от того же самого кореня, Иван Осипов (Ванька Каин) и Лесков — про Лескова или ничего не говорили (это называется в литературном мире «замораживать») или выхватывали отдельные чудные слова в роде: «жены переносицы», «мышьякопыльный завод» и само собой, в смех, но и не без удовольствия, а самый-то склад лесковской

речи, родной и Вам и Осипову и Аввакуму — да просто зз смехом не вникали. В русской литературе книжное церковно-славянское перехлестнулось книжным же европейским и вывихнулось литературной «классической» речью: Карамзин, Пушкинская проза и т. д. и т. д. (ведь и думали-то они по-французски!) и рядом с европейским — с «классическим стилем» «русский природный язык»: Аввакум, Осипов, Лесков, Розанов. И у Вас тоже есть — ваша книга «О понимании»: Вы тоже могли и умели выражаться по-книжному, как заправский книжник и фарисей, и очень ценили эту книгу, и Аввакум щеголял Дионисием Ареопагитом и мифическим римским папою Фармосом латинского летописца (знай наших!) Но в последние годы Вашей жизни на этой чудеснейшей земле то, что «розановский стиль» — это самое «юрродство» — это и есть настоящее, идет прямой дорогой от «вяканья» Аввакума из самой глубины русской земли. Сами Вы это знали? (Аввакум проговорился: «люблю свой русский природный язык», Лесков, должно быть, не сознавал, иначе не умалаясь бы так перед Львом Толстым!) Помните, в Гатчине, как мы у Вас на даче-то ночевали, Вы с сокрушением говорили, что рассказов Вы писать не можете, — «не выходит». А Вам хотелось, как у Горького или у Чехова — у аккуратнейшего «без сучка и задоринки» Чехова, которым упииваются сейчас англичане, а это что-нибудь да значит! и у Горького, который «махал помелом» по литературным образцам. Василий Васильевич, да ведь они совсем по-другому и фразу-то складывали — ведь в «вяканье» и в «юрродстве» свой синтаксис, свое расположение слов, да как же Вы хотели по их, эка! Розанов — форму Чеховского рассказа? — да никак не уложишь, и н е н а д о. Их синтаксис — «письменный», «грамматический», а Ваш и Аввакума — «живой», «изустный», «мимический». Теперь начали это изучать, докапываться в России — там книжники и вся казна наша книжная! Но и среди русских, живущих за-границей, есть та же дума. Сидит тут, в Париже Федотов, ученый человек, Вашими книгами занимается, опять же Сувчинский, глава евразийцев, Петр Петрович, а в этой самой Англии кн. Д. Святополь-Мирский — да, да, сын Петра Дмитриевича, еще «весной»-то прозвали, благодаря ему нам разрешение вышло в Петербург до срока переехать, и с Вами тогда познакомился! — А книг Ваших, Василий Васильевич, не видно: переиздали «Легенду о великом инквизиторе». Изд. Разум. Берлин, 1924. Стр. 266. А мне попалось тут единственное, что по французски переведено: *Vassili Rozanov, «L'Eglise russe». Traduit avec l'autorisation de l'auteur par H. Limont-Saint-Jean et Denis Roche. Paris, Jouve et Cie. Editeurs, 1912. — p. 42.*

От Ваших переводчиков получил. А в России — не в поре: «борьба на духовном фронте» и попади Вы в эту категорию «мистическую», ну Вас и изъяди — а уж про издание и говорить нечего. Только, думаю, этим немного возьмешь. Запрещенный-то плод сладок — тянет. По себе сужу, уж что ни сделал бы, а книжку достал, и всю б ее от доски до

Алексей Ремизов

Фот. Шумова,

доски — — Василий Васильевич, какой собрался богатый матерьял в мире всяких глупостей и тубокомысленнейших, ну и несчастных! Война! — до сих пор не расклебалч. Конечно, во всем Божий промысел и дело не-человеческое — и «надо всему было быть, как было!» (Аввакум прав!) и не без «обновления жизни» такие встряски! но и правду сказать, и человек «действующий элемент» постарался — подуровали! А теперь, смотрите: и беды не оберешься и от беды не схопишься —

— «Эй, дурачье, дурачье!»

А живи Вы тут — от сумы да от тюрьмы не зарекайся! — кто ж его знает, «борьба на духовном фронте!» и угодили б Вы сюда с Бердяевым и Франком и были б мы опять соседями, или в Clamart'e около Бердяева или где на Convention (Paris, XV°): Пасоновуто, помните, подруга Вашей Веры, она за профессором Сеземаном, два у нее мальчика, старший Алеша, а другой Митька и что странно, Митька — вылитый с лица С. П., ведь вот же уродится так, и большой ее приятель, называет «подруга». И скажу Вам, и из здешней «зарубежной русской жизни» был бы вам матерьял. Когда-то Вы писали, что «заработал на полемике с каким-то дураком 300 рублей», ну, 300 не рублей, а франков — ручаюсь! — было бы Вам к Пасхе. Дождались мы Пасхи — а сколько было за зиму и болезни и всего! — и там в России! Хотите я Вам расскажу старый один советский анекдот про Пасху? Больно он из всех мне запомнился, а Вам, знаю, будет интересно —

.....

Действующее лицо: батюшка из тех, кого Вы ни к Чернышевскому, ни к Добролюбову не относите, нет, другой породы — не затейливой — («извините, с яйцами?») *) все эти попы Иваны и отцы Николаи, у которых одно лицо безвозрастное с бородежкой и ходят они как-то, плечо опущено, и говорить «неспособны», а проповедь читает, бывало, по епархиальному листку, как помиванье без замятых и точек, сплошь без разбору. Так вот на Пасху в Москве у Гужона — рельсопрокатный завод (с детства помню, по вечерам из окна видно полыхающее зарево — Гужон — московская Бельгия) — устроили собрание с антирелигиозными целями от какой-то «безбожной» ячейки. Собралось народу видимо-невидимо — сколько одних рабочих на заводе! — тысячи. А выступал докладчиком сам нарком А. В. Луначарский. А видите ли, слышал я ораторов: Федор Степун (во Фрейбурге под Дрезденом сидит), не переслушаешь или Виктор Шкловский (в Москве), такой отбрыкливый, ничем не поддеришь, а Луначарский — ну тот (собственными ушами слышал и не раз!) прямо рекой летит. И по

*) Алексей Ремизов, Кукха, Розановы письма. Изд. З. И. Гржебина, Б. 1923, стр. 93

окончании речи (часа два этак) выносятся единогласно через поднятие рук резолюция, что ни Бога, ни Свето-Христово Воскресения нет и быть не могло, предрассудок. И тут же на собрании этот самый поп Иван ныряет: в оппоненты записался. «Да куда, говорят, тебе, отец, нешто против наркома! да и уморились канительиться.» А ему — и Бог его знает, с чего это пристукнуло? — одно только слово просит. Ну, и пустили: «слово — гражданину Ивану Финикову». И вылезает — ну, ей Богу, Ваш! Ваш, безсловесный, самый русский природный, без которого круг жизни не скружится, а чего-то стесняющийся, плечо на бок — — «Христос воскрес!» — и поклонился, так полагается на Пасхе, приветствие, как здравствуйте, трижды: «Христос воскрес!» — «Воистину!» — загудело в подхват собрание, все тысячи, битком-набитый завод, Гужон с полыхающим вечерним заревом красных труб, московская Бельгия, — «воистину воскрес!»

Алексей Ремизов

Paris, 3. 5. 26.